

Николай Добролюбов

Замечания о слоге и мерности народного языка

Николай Александрович Добролюбов

Замечания о слоге и мерности народного языка

«Чем более распространялось и утверждалось в книжном языке влияние церковнославянского наречия, тем более народный язык отделялся от него, так что с XIII–XIV столетий можно рассматривать народную речь отдельно от книжной. Это отделение преимущественно заметно в русском языке, который, по особенной близости своей к церковнославянскому наречию, всего более подвергся его влиянию. Народный язык славянский имеет свою богатую литературу, по преимуществу поэтическую, и в этих произведениях можно наблюдать развитие народной речи и отличительные черты народного слога. Черты эти отделены для слога простого и для слога поэтического...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Замечания о слоге и
мерности народного языка**

Чем более распространялось и утверждалось в книжном языке влияние церковнославянского наречия, тем более народный язык отделялся от него, так что с XIII–XIV столетий можно рассматривать народную речь отдельно от книжной. Это отделение преимущественно заметно в русском языке, который, по особенной близости своей к церковнославянскому наречию, всего более подвергся его влиянию. Народный язык славянский имеет свою богатую литературу, по преимуществу поэтическую, и в этих произведениях можно наблюдать развитие народной речи и отличительные черты народного слога. Черты эти отдельны для слога простого и для слога поэтического.

В простом слоге язык отличается своею простотою и непринужденностью, в противоположность книжной искусственности. В словосочинении и особенно в словорасположении здесь гораздо более свободы, нет того старания втиснуть речь в длинный, связный период, как было в книжной литературе. Повествование идет стройно, спокойно, связь поддерживается союзами, но везде мысль вы-

ражается полными предложениями: все сокращения, вроде деепричастий, самостоятельных падежей и т. п., избегаются. Даже причастия большею частью заменяются глаголами с местоимением или союзом. В построении речи замечаем более естественности и ясности: редки вводные предложения, вставляемые для пояснения, — редко отделение определяющих слов от определяемых и зависящих от управляющих. В речи философской господствует тоже простота и краткость предложений. Народная мудрость высказывается обыкновенно афористически и никогда не прибегает к форме силлогизма, столь любимой книжниками. В ее речи замечаем также более живости и образности, нередко она выражает свою мысль намеком или удачным принословием. Самые отвлеченные понятия обрисовываются нередко по впечатлению и представляются в образе. Заимствование слов из других языков весьма слабое, и почти невозможно встретить в народном языке бессмысленный перевод иностранных слов буквально (вроде, например, междометие, отвлеченный).

Но всего резче отличается народная речь от книжной в поэтических произведениях. Здесь уже в самом выборе слов значительная разница. Как в книжном языке много есть слов для выражений высших понятий, религиозных и общественных, которых не знает народ, так, напротив, в народной речи находим множество слов, обозначающих предметы общежития, которых никогда не признавал язык книжный. Народная поэзия не стеснялась правилами школьных реторик и пиитик о высоком слоге, для нее все слова были хороши, только бы они точно и ясно обозначали предмет. Она вносит в свои изображения – и конские копыта, и япончицы, и кожухи, и болота и грязевые места («Слово о полку Игореве»), и желчь, разливающуюся в утробе от гнева, и рев рассерженного человека, и разложито оконце в доме («Песня о суде Любуши»), даже подворотню «рыбий зуб», пробои булатные, подики кирпичные, помелечко мочальное (Кирша Данилов). Она не боялась называть предмет своим именем, и потому в ней находим множество названий таких предметов, о которых в книгах даже совсем

никогда не говорится, из опасения употребить неприличное выражение. При этом видим мы полное господство народных форм над книжными. Например, в русской народной поэзии господствует полногласие и употребление слов русских там, где в книгах ставятся славянские. Нужно также заметить и изобилие уменьшительных форм в народной поэзии, весьма много способствующих живости изображения.

Подбор слов также имеет здесь свои особенности, происходящие опять от той же безыскусственности и стремления к изобразительности и живости впечатления. Весьма часто одна мысль выражается в двух видах; как бы недовольный одной фразой, народ повторяет ее с прибавлением другого определения, нередко усиливая слово другим, имеющим почти то же значение. «Высота ли, высота поднебесная», – начинаются песни Кириши Данилова... И в них беспрестанно встречаем такого рода выражения: из-за моря, моря синего; по дорогу камени, по яхонту; идет во гридню, во светлую; от славного гостя, богато; она с вечера трудна, больна, со полуночи

недужна вся, и пр. Много подобных примеров также и в чешской поэзии. Нередко также встречается и такой способ выражения: сначала высказывается общее понятие, а потом берутся частности, например: в зеленом саду, в вишеньях, в орешеньях. Далее встречаем некоторые соединения слов, постоянно повторяющиеся, например: золото-серебро, гусей-лебедей и пр. Также есть одинаковые, условные фразы для обозначения того или другого понятия, того или другого предмета, например, неоднократно встречаем: земля кровью была полита, костями посеяна; бились три дня, три часа и три минуточки; между плеч косая сажень; палица в триста пуд, и пр. Конечно, народ руководствовался чем-нибудь, подбирая такие образы или слова для означения даже таких простых понятий, как измерения места и времени; и, может быть, при собрании большего количества данных нам удастся уяснить себе мирозерцание народа, выразившееся таким образом в его поэзии.

Периодическая речь решительно не допускается в поэтической речи. Краткие предло-

жения везде заменяют ее. Нечто подобное строю периода можно видеть разве в тех местах, где встречаются сравнения. Но и сравнения весьма редко имеют правильную грамматическую форму, т. е. посредством союза как. Обыкновеннее всего название предмета именем другого, например: ясный сокол – добрый молодец, конь под ним – лютый зверь, и пр.; иногда сравнение развивается в целой картине, в целой параллели сходных представлений. Но чаще всего – сравнение отрицательное, до сих пор столь распространенное в наших песнях, которые часто им и начинаются.

В число особенностей народного слога нужно отметить еще постоянные эпитеты. Между ними Особенное внимание нужно обратить на те, которыми характеризуются предметы природы. Например, постоянно читаем мы: море синее, сад зеленый, мать сыра земля, темный лес, чисто поле, также – красна девица, добрый молодец, буйная голова, белы руки, резвы ноги, – лютый зверь, ясный сокол, белый кречет, гнедой тур, добрый конь и пр. Замечательно, что народ в этих определениях никогда не смешивает понятий даже

синонимически и с неизменной верностью говорит, например: красно солнце, светел месяц, ярко звезды, или зелено вино, брага хмельная, пиво крепкое.

Кроме этих эпитетов, показывающих воззрение народа на природу, нельзя оставить без внимания и других, в которых отразились понятия его об отношениях житейских и общественных. Таковы, например, описания разных хором с их принадлежностями – воротами вальящатыми, верями хрустальными, тыном железным, окошечками косящатыми, столами белодубовыми, и пр. Описания одежды – кафтанов хруща-той камки, одеял соболиных, шуб барсовых, сапожков сафьянных; описания вооружения – тугих луков, шелковых тетив, булатных мечей, острых копий, каленых стрел, золотых шеломов и пр. Повторяясь постоянно, эти названия должны занять наше любопытство, тем еще более, что подобные постоянные эпитеты суть общая принадлежность всякой народной поэзии и, следовательно, могут служить безошибочным указанием на особенности мирозерцания народа.

В народной поэзии встречаются также нередко выражения, которые сохранились потом в устах народа как поговорки. Это — или правило народной мудрости в нескольких словах (т. е. собственно пословицы); или удачно схваченное изображение предмета, его характеристика, которая потом осталась за ним навсегда и прилагается к целому ряду однородных предметов. Таких выражений много находим в «Слове Даниила Заточника».

Состав стихов подчинялся особенным требованиям гармонии, в сочетании слогов долгих и коротких, с ударениями и без ударений. Стихотворная мерная речь в произведениях поэтических образовалась, вероятно, еще в период развития первоначальных форм. В этом убеждают отчасти чешские памятники IX—XIII веков, отчасти сравнение разных славянских песен позднейшего времени. Древнейший эпический стих, равно распространенный у всех славян, включает в себе 10 слогов с двумя ударениями, которые разделяют стих на две части, или равные, так, что к каждому слогу с ударением относится по 4 без ударения, или неравные, так, что к одному от-

носится 3, а к другому 5. Древнейший лирический стих имеет 8 или 6 слогов, тоже с двумя ударениями, так, что к каждому относится по 2 или по 3 слога без ударений. Позже явились стихи с тремя ударениями на 12 слогов. Каждая отдельная стопа должна была и по содержанию составлять отдельную часть мысли или фразы; с окончанием стопы должно было оканчиваться и слово.

Можно думать, что вначале не было определенного места для ударения в стихе, и только не могло оно стоять на первом и последнем слоге стопы. Заметно, впрочем, старание поместить ударение как можно ближе к середине стопы.

Как древнее явление в стихотворной речи славянской, можно заметить образование куплетов, которые составлялись из пары одинаковых по составу стихов, т. е. имевших равное число слогов, так как весьма рано уже находим мы, что сочетаются между собою стихи, в которых – в одном 8, 7, 6 слогов, а в другом, следующем, – 6, 5, 4.

Издравле также существовали в песнях припевы, не только при окончании куплета,

но и каждого стиха, и даже – стопы. Так как они иногда сочетались последними своими звуками с последними же звуками той части стиха, за которой повторялись, то это положило начало употреблению рифм. О древности рифм свидетельствуют пословицы и сказки, неизменно сохранившиеся от древнего времени и имеющие рифмы. Но в стихах песен рифмы встречаются уже позднее. У многих славян до сих пор народная поэзия обходится совершенно без рифм. В русской народной поэзии, особенно в пословицах, встречается часто аллитерация.

Особенное явление поэтической речи представляет мерная проза, которою написаны старинные сказки. В этом явлении отразилась, конечно, долгота и краткость слогов, посредством которых уравнивалось в мерной сказочной фразе неравное само по себе количество слогов. Эта свобода в несоблюдении определенного количества слогов с течением времени все увеличивалась, так что в последнее время сделались возможными такие народные песни, которые отличаются от обыкновенной разговорной речи только музы-

КАЛЬНЫМ НАПЕВОМ.